

А Л Ь Б О М Ъ,

ПОДАРЕННЫЙ

ФРИДРИХОМЪ - ВИЛЬГЕЛЬМОМЪ

НАСЛѢДНИКОМЪ ПРУССКИМЪ

ВАСИЛЮ АНДРЕЕВИЧУ ЖУКОВСКОМУ,

А ПОСЛѢДНИМЪ, ПРИНЕСЕННЫЙ ВЪ ДАРЪ

НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

ВПОСЛѢДСТВИИ

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.



I.

Лѣтомъ 1901 года, интересуясь бумагами и рисунками Василя Андреевича Жуковского, хранящимися въ Собственной Его Императорскаго Величества библиотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ, я имѣлъ возможность ¹⁾ познакомиться съ интереснымъ содержаніемъ шкатулки императора Александра II, заключающей въ себѣ нѣсколько историко-литературныхъ реликвій, дорогихъ и для скромнаго наставника наслѣдника престола и для его ученика, будущаго Царя-Освободителя, и для всѣхъ тѣхъ, кому дороги эти имена...

Въ этой шкатулкѣ находятся: альбомъ наслѣдника цесаревича, рисунки В. А. Жуковского и учебныя тетрадки великой княгини Александры Феодоровны.

Альбомъ представляетъ довольно объемистую тетрадь, плотной разноцвѣтной бумаги, переплетенную въ роскошный, кожаный, зеленый переплетъ, съ золотымъ по красному тисненіемъ. Орнаментація полу-восточная и посрединѣ переплета, какъ на передней, такъ и на задней крышкѣ, повидимому, турецкія надписи.

Альбомъ снабженъ бронзовой, золоченой, украшенной рѣзнымъ отъ руки плоскимъ орнаментомъ застежкой, приспособленной къ тому, чтобы она могла быть запираема всячимъ замочкомъ.

¹⁾ Благодаря любезности и вниманію завѣдующаго собственною Его Величества библиотекю его превосходительства Рихарда Александровича Гримма, которому не могу не принести моей искренней благодарности.

II.

На первомъ листѣ альбома наслѣдникомъ прусскаго престола Фридрихомъ-Вильгельмомъ ¹⁾ сдѣлана слѣдующая собственноручная надпись:

Meinem lieben Goukowsky
zum Andenken
von freundes Hand

Berlin.
4 Februar 1825 ²⁾.

Friedrich Wilhelm
Kronprinz v. Preussen

Загѣмъ рукою В. А. Жуковскаго приписано:

«Эту книгу особенно мнѣ драгоценную ³⁾ по той надписи, которая на ней сдѣлана—приношу вамъ, мой безцѣнный великій князь, для того, чтобъ вы записывали въ ней такія только мысли, кои наиболѣе могутъ быть вамъ полезны въ жизни и изъ коихъ можете со временемъ составить для себя коренныя, весьма не многія, но необходимыя правила поступковъ какъ нравственныхъ, такъ и государственныхъ, а какія это правила, то скажетъ вамъ наука, умъ, сердце и опытъ
22-го апрѣля 1834. Жуковскій

На второмъ и слѣдующихъ листахъ Жуковскимъ же написано для великаго князя слѣдующее разсужденіе:

«Христось Воскресе! Въ этомъ словѣ заключается вся судьба чело-

¹⁾ Наслѣдникъ прусскаго престола Фридрихъ-Вильгельмъ сынъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и братъ принцессы Фредерики-Луизы-Шарлоты-Вильгельмины, потомъ великой княгини Александры Θεодоровны, супруги великаго князя Николая Павловича (род. въ 1797 г. вступилъ на престолъ подъ именемъ Фридриха-Вильгельма IV въ 1840 г., ум. въ 1861 г.).

²⁾ Моему любимому Жуковскому на память отъ дружеской руки. Фридрихъ-Вильгельмъ наслѣдникъ прусскій. Берлинъ. 4-го февраля 1825.

³⁾ В. А. Жуковскій очень любилъ кронпринца Фридриха-Вильгельма, съ которымъ познакомился въ въ Берлинѣ въ 1820 году.—Во время своего довольно долгаго житія въ этомъ городѣ въ 1820 и 1821 г. Жуковскій очень часто видѣлся съ кронпринцемъ и близко сошелся съ нимъ. Въ одномъ изъ писемъ къ великой княгинѣ Александрѣ Θεодоровнѣ онъ пишетъ напри- мѣръ о немъ такъ:

«Онъ оказываетъ мнѣ самую трогательную для меня благосклонность за которую плачу ему сердечною привязанностью. Я нѣсколько разъ имѣлъ честь у него обѣдать въ его маленькомъ обществѣ и провелъ вмѣстѣ съ нимъ два пріятнѣйшихъ вечера у M-me Wildermeth. Въ оба раза читали Клейстову трагедію „Der Prinz von Homburg“. Было много шюру и смѣху“ (Письмо В. А. Жуковскаго изъ Берлина отъ 26-го ноября (12-го декабря) 1821 года къ великой княгинѣ Александрѣ Θεодоровнѣ).

вѣка и то, что онъ нѣкогда былъ, и то, что онъ можетъ быть на землѣ, и то, къ чему предназначенъ за гробомъ. Всякое земное величіе исчезаетъ предъ величіемъ этого слова, всякое земное несчастье уничтожается предъ его небеснымъ утѣшеніемъ, всякое истинное сокровище души становится въ немъ неизмѣннымъ, прямо нашимъ, на всю жизнь и далѣе жизни. Оно возвышаетъ нашъ умъ въ вѣру, наше чувство въ надежду, нашу волю въ любовь, оно даруетъ человѣку его прямое достоинство: смиреніе.

«Христосъ Воскресе! А этимъ благовѣстительнымъ словомъ встрѣтилъ васъ народъ московскій въ минуту вашего рожденія. То былъ день прекрасный ¹⁾).

Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой,
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ,
И тишины исполненъ величавой
Торжественно державный Кремль стоялъ.....
На праздникъ великомъ воскресенья
Народъ тѣснился ко ступенямъ алтаря,
Смиренно ждалъ надежды совершенья,
Ждалъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ....
И онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы
На высотѣ воскресшаго Кремля,
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавнй,
Кругомъ его и небо и земля,
Питавшія Россію съ колыбели,
Здѣсь жизнь отцевъ великая была,
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла—
Обманетъ ли сіе знаменованье?
Пусть отъ пеленъ во свѣтъ онъ перейдетъ
Съ душой на все прекрасное готовой,
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой,
Лѣта пройдутъ.... Подвижникъ молодой
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы.

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ стихотвореніе, которое составляетъ сокращеніе стихотворенія Жуковскаго же, написаннаго имъ въ 1818 году и которымъ онъ привѣтствовалъ рожденіе великаго князя, предсказывая ему славу въ будущемъ.

Стихотвореніе это носитъ слѣдующее названіе: „Государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ на рожденіе Великаго Князя Александра Николаевича посланіе“.

Жуковскій взялъ изъ всего этого „Посланія“, заключающаго въ себѣ 178 стиховъ, только слѣдующіе 34 стиха и при этомъ онъ нѣсколько передѣлалъ ихъ.

Да встрѣтитъ онъ обильный честию вѣкъ.
 Да славнаго участника славный будетъ,
 Да на чредѣ высокой не забудеть
 Святѣйшаго изъ званій: челоуѣкъ ¹⁾,
 Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
 Для блага всѣхъ—свое позабывать,
 Лишь въ голосъ отечества свободномъ
 Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
 Вотъ правила царей великихъ внуку.

«Это было написано тогда мною. Въ то время я еще не подозрѣвалъ, какое мѣсто мнѣ судьба подгѣ васъ готовила. Я просто пророчилъ, слѣдуя влеченію сердца. Теперь наступило время, въ которое пророчеству моему должно оказаться справедливымъ или ложнымъ. Надѣюсь на первое.

«Христосъ воскрес! Это благовѣстительное слово встрѣтило васъ при входѣ вашемъ въ храмъ, гдѣ надлежало совершиться вашему первому рѣшительному дѣйствию, вашей присягѣ ²⁾. Но что же и весь міръ, какъ не храмъ Божій? Что наша жизнь, какъ не всегдашняя присяга передъ Богомъ? А въ жизни не все ли, безпрестанно, вездѣ и явно и тайно повторяетъ намъ: Христосъ воскрес!

«Ваша присяга произнесена, Богъ васъ слышалъ: теперь все свойство вашей жизни должно переимѣниться. Беззаботное ребячество кончилось, время спокойной безусловной покорности чужому руководству ³⁾ прошло, и хоть вамъ еще нельзя обойтись безъ помощи руководителей, но уже для васъ настала болѣе трудная пора произвольной покорности долгу; совѣсть вступила для васъ въ строгія права свои, отвѣтственность за себя теперь вы приняли на самого себя, ибо вы ясно понимали то, что говорили передъ Святѣмъ Евангеліемъ, въ присутствіи государя и отца, передъ надѣющимся на васъ отечествомъ... Но вамъ остается еще нѣсколько лѣтъ свободныхъ, и ваша существенная теперь обязанность, ваша вѣрность данной присягѣ должна состоять единственно въ томъ, чтобы по совѣсти воспользоваться остающимися годами свободы, чтобы утвердить свой характеръ, дать зрѣлость уму, скопить необходимыя для будущаго знанія и правила поступковъ, чтобы, однимъ словомъ, приготовиться къ высокому своему назначенію.

¹⁾ Напечатанное разрядкой подчеркнуто въ подлинникѣ.

²⁾ Въ этотъ же день, 22-го апрѣля 1834 года, наследникъ цесаревичъ великій князь Александръ Николаевичъ по случаю совершеннолѣтія своего (ему исполнилось 16 лѣтъ 17-го апрѣля того же года) приносилъ присягу.

³⁾ Напечатанное здѣсь и далѣе разрядкою подчеркнуто самимъ Жуковскимъ.

«Наконецъ, говорю вамъ: Христосъ Воскресе! какъ утѣшительное слово при первомъ несчастіи жизни, говорю именемъ того ¹⁾, кто уже вамъ никогда его не скажетъ на этомъ свѣтѣ, кто былъ вашимъ первымъ и лучшимъ другомъ, кто за васъ положилъ свою душу, и чье послѣднее слово на землѣ было ваше имя. Въ Христіанскомъ братскомъ привѣтѣ моемъ примите и его прощальное слово любви, и его завѣщаніе на здѣшнюю вашу жизнь и его надежду на радостное свиданіе съ вами

¹⁾ Рѣчь идетъ о Мердерѣ. Генералъ-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ, род. въ 1788 году, ум. въ 1834 году, былъ воспитателемъ наслѣдника цесаревича великаго князя Александра Николаевича. Императоръ Николай Павловичъ обратившій вниманіе на Мердера, какъ на человѣка, обладавшаго выдающимися педагогическими способностями (какъ командира роты въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ), а также прекраснымъ, кроткимъ характеромъ и рѣдкимъ умомъ, назначилъ его на должность воспитателя наслѣдника престола.

Къ исполненію своихъ обязанностей Мердеръ приступилъ 12-го іюня 1824 года, когда великому князю было еще только 6 лѣтъ, и исполнялъ ихъ въ продолженіе почти 10 лѣтъ вплоть до своего отъѣзда для дѣченія за границу, гдѣ, въ Римѣ, онъ и скончался 24-го марта 1834 года.

Жуковский въ своемъ „Воспоминаніи о К. К. Мердерѣ“ даетъ очень симпатичную характеристику этого человѣка.

„Отмѣнно здравый умъ,—говоритъ Жуковский,—рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодной твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души, таковы были отличительныя черты его характера. Съ сими свойствами, дарованными природою, соединялъ онъ живыя правила, извлеченныя имъ изъ опыта жизни, правила, отъ коихъ ничто никогда не могло отклонить его въ поступкахъ. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, руководимый одною совѣстію, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при великомъ князѣ, конечно, оставили глубокіе слѣды на душѣ его воспитанника, по въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго: вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его, дѣйствіи, которое можно сравнить съ благораствореніемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полнаго развитія растений. Его питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подѣ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ, самая строгость принимала съ нимъ выраженіе нѣжности; онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе — могла ли душа его, отъ природы благородная, не сохраниться свѣжею и непорочною, могла ли не полюбить добра, могла ли въ то же время не приобрѣсти и уваженія къ человѣчеству, столь необходимаго во всякой жизни, особливо въ жизни близъ трона и на тронѣ?

„Будемъ же радоваться, что душа наслѣдника Россіи на рассвѣтѣ своемъ встрѣтилась и породнилась съ прекрасною душою Мердера“.

Нельзя сомнѣваться, что великій князь горячо любилъ своего воспитателя и друга и что его смерть была для него дѣйствительно первымъ несчастіемъ въ настоящей жизни, въ которую онъ только-что съ принесеніемъ присяги торжественно вступилъ.

тамъ, гдѣ у отца обитателей много. Примите это несчастіе, какъ даръ Божій: оно послано вамъ отъ промысла во благою минуту, при самомъ первомъ приступѣ вашему къ жизни, когда вы, какъ наслѣдникъ великаго государства, увидѣли около себя весь приманчивый блескъ земнаго могущества и, можетъ быть, имъ плѣнились... и что же? Рядомъ съ этою земною славою гробъ лучшаго друга. Не ясно ли дѣйствуетъ здѣсь Богъ, воспитывающій нашу душу и земными радостями и земными печальми? Открывая передъ вашими глазами съ одной стороны все великое земное, онъ даетъ вамъ въ то же время испытать и великую земную утрату, утрату вѣрнаго друга. Для чего же? Не для того ли, чтобы вы теперь же ясно поняли, что наша жизнь не для невѣрнаго человѣческаго счастья, а для вѣрной Божіей правды. И въ самомъ дѣлѣ что было истинно великаго въ ту минуту, когда вы присягали? Одна ваша присяга. Все прочее было одно блестящее привидѣніе; люди, окружавшіе васъ, и вы сами должны исчезнуть ¹⁾ и слишкомъ скоро: вы уже на опытъ знаете, какъ время летитъ быстро. И этотъ царскій дворецъ, въ которомъ всѣ эти люди собрались на поклоненіе вамъ, перемѣнитъ видъ свой, другіе праздники на поклоненіе другимъ соберутъ въ немъ другихъ людей, и самыя стѣны, иначе украшенныя, перестанутъ напоминать въ немъ о тѣхъ, кои были когда-то въ немъ прежде. Но присяга, данная передъ Богомъ и исполненная передъ людьми, останется жива съ нашею душою, слѣдственно останется жива вѣчно, не умретъ и въ памяти людей... Въ эту минуту, когда вы стояли передъ Евангеліемъ, будучи всеми мыслями преданы той святынѣ, которая васъ окружала, я думалъ: если душа наша, покинувъ землю, сохраняетъ воспоминаніе о томъ, что мы любили на землѣ, то въ эту минуту, подлѣ него: невидимо присутствуетъ душа друга: это безъ сомнѣнія такъ и было. Повѣрьте, настоящей разлуки съ нимъ для васъ еще нѣтъ, она была бы только тогда, когда бы вы или его, или себя забыли. Помните жъ и любите его, какъ живаго, и живите такъ, чтобы воспоминаніе объ немъ было для васъ не горемъ, а утѣшеніемъ ²⁾.

22-го апрѣля 1834.

¹⁾ Общій характеръ этого напоминанія о смерти и желанія внушить спокойное отношеніе къ ней и даже стремленіе извлечь изъ этого настроенія извѣстное безстрастное отношеніе къ жизни—нѣсколько напоминаетъ содержаніе писемъ Жуковскаго къ умиравшей (въ 1829 году) Александрѣ Андреевнѣ Воейковой. (См. К. Зейдлицъ. „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“ С.-Петербургъ 1863 г.)

²⁾ Больше въ этомъ альбомѣ ничего написано не было.

III.

Все написанное Жуковскимъ въ альбомѣ представляетъ интересъ въ историко-литературномъ отношеніи.

Во-первыхъ, характеренъ даже самый фактъ подарка этого альбома, драгоценнаго для самого Жуковского, какъ предмета, полученнаго на память о симпатичномъ ему человѣкѣ ¹⁾, и какъ воспоминаніе о времени, пріятно и интересно проведенномъ въ его обществѣ. И такой дорогой для его нѣжнаго сердца предметъ, полученный имъ въ подарокъ отъ царственнаго друга сосѣдней державы, естественно могъ быть имъ подаренъ только его царственному ученику, горячо имъ любимому. Этотъ подарокъ былъ выраженіемъ самой искренней и глубокой любви къ нему.

Но еще интереснѣе въ этомъ альбомѣ надпись Жуковского и его разсужденія на тему «Христосъ Воскресе!», раскрывающія предъ нами глубокіе и сокровенные мотивы этой симпатіи къ его царственному ученику и указывающія, въ какія именно формы выливались отношенія къ нему такого наставника, какимъ былъ этотъ чуткій и мечтательный поэтъ-художникъ. Интересъ этотъ усиливается тѣмъ болѣе, что все это было писано въ тотъ моментъ, когда дѣло воспитанія было уже закончено, когда ученикъ выступалъ самостоятельнымъ человѣкомъ на открывающійся передъ нимъ жизненный путь, полный труда, волнений и громаднѣйшей ответственности.

Въ авторѣ этихъ наставленій наслѣднику престола чувствуются съ одной стороны мечты и планы поэта-романтика начала XIX вѣка, съ другой стороны какъ будто беретъ перевѣсъ трезвый, далекій отъ всякихъ мечтаній педагогъ—человѣкъ непоколебимой воли, глубоко-религіозный, человѣкъ, твердо вѣрящій въ торжество добра и необходимость служенія высшей истинѣ.

Обратимся прежде всего къ припискѣ В. А. Жуковского на первомъ листѣ.

Какими наивными кажутся теперь намъ эти, около ста лѣтъ тому назадъ, написанныя, строки, въ которыхъ «чистая душа» Жуковский, какъ звали его нѣкоторые друзья ²⁾, предлагаетъ своему «бездѣльному» ученику записывать въ приносимомъ ему въ даръ альбомѣ такія мысли, которыя наиболѣе могутъ быть полезны въ жизни. Это было счастливое время, когда люди безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣрили въ то, что «наука, умъ, сердце и опытъ» могутъ дѣйствительно подсказать такія

¹⁾ Кронпринцъ прусскомъ Фридрихъ-Вильгельмъ.

²⁾ Напримѣръ Александръ Михайловичъ Тургеневъ въ его многочисленныхъ письмахъ къ поэту.

«правила жизни», которыя, оставаясь навсегда ненарушаемыми, могут быть лучшими и надежнѣйшими руководителями на жизненномъ пути среди всѣхъ тревоженій и соблазновъ капризной и непостоянной дѣятельности».

Жуковский воспользовался темой «Христосъ Воскресе!» не случайно, но потому, что день Св. Пасхи 22-го апрѣля 1834 года былъ особенно знаменательнымъ днемъ въ жизни наслѣдника. Это былъ день перехода его изъ юношескихъ лѣтъ въ зрѣлый возрастъ, день его присяги на вѣрность служенія Царю и Отечеству, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ днемъ его перваго серьезнаго горя—извѣстія о смерти его воспитателя и друга генерала-адъютанта К. К. Мердера.

Для Жуковскаго, какъ для впечатлительнаго поэта, всего этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы, выйдя изъ обычной житейской колеи, настроить и струны своего сердца на особенный высоко-торжественный ладъ и заставить звучать въ глубинѣ души такіа ноты, которыя касались его искреннихъ чувствъ любви и привязанности къ своему воспитаннику.

А вмѣстѣ съ тѣмъ это разсужденіе является его личною исповѣдью, характеризующей его какъ человѣка не только религіознаго въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но такого, который свои религіозныя убѣжденія положилъ въ основу всей своей жизни и который постоянно черпаетъ въ нихъ силу, и для своей дѣятельности, и во всѣхъ случаяхъ, какъ печальныхъ, такъ и радостныхъ, на которыя жизнь наталкиваетъ помимо его воли.

А это была не слѣпая и безотчетная покорность волѣ какого-то неизвѣстнаго высшаго существа, за которымъ признается прежде всего и больше всего его безконечная сила и власть... Это было глубокое убѣжденіе въ собственномъ единеніи съ Божествомъ и преклоненіе предъ Нимъ, какъ предъ недостижимымъ идеаломъ, который въ своей абсолютной истинѣ и красотѣ является невидимымъ, но самымъ надежнымъ руководителемъ человѣка. Эта глубокая и спокойная вѣра создала такое нравственное равновѣсіе, которое трудно было уже поколебать. И это какъ-то особенно сильно чувствуется въ его разсужденіи «Христосъ Воскресе». Прежній милый, добрый наставникъ, ласково и нѣжно лелѣявшій своего «милаго» великаго князя, уходитъ на задній планъ и становится теперь старшимъ другомъ своего воспитанника, который, конечно, внимательно прислушивался къ тому, что ему будетъ сказано нашимъ поэтомъ въ послѣдній разъ, какъ—наставникомъ и въ первый разъ, какъ—другомъ.

И свой «братскій привѣтъ» старшаго друга Жуковский какъ бы соединяетъ съ завѣщаніемъ другаго близкаго великому князю человѣка—

его воспитателя К. К. Мердера, который, только-что закончивъ свое дѣло воспитанія, на вѣки покинулъ его.

Какъ это торжественно и прекрасно въ своей трогательно-грустной красотѣ! Поэтъ-художникъ рисуетъ въ живыхъ образахъ прозаическую элегію, подернутую слегка дымкой таинственности, связывающей живыхъ членовъ человѣческой семьи съ тѣми, которые уже покинули ее и ушли въ неизвѣстную даль безконечности.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ заключительныя слова Жуковскаго въ его «Христосъ Воскресе» являются и мощнымъ призывомъ къ бодрому стремленію къ достиженію не «блестящаго привидѣнія—невѣрнаго человѣческаго счастья», а того истинно-великаго идеала добра и красоты, который онъ называетъ «вѣрной Божіей правдой».

Нелестный придворный рисуетъ картину безпощаднаго всепоглощающаго времени, очень скорой смѣны торжествующихъ и преклоняющихся теперь лицъ—другими новыми уже лицами, забывающими своихъ предшественниковъ.....

Нѣтъ, этотъ чуткій поэтъ и честный человѣкъ призываетъ отзывчивую душу благороднаго юноши—будущаго Царя-Освободителя откликнуться на тѣ таинственные звуки человѣческой души, которые способны

«Для блага всѣхъ—свое позабывать».....

«Лишь въ голосѣ отечества свободномъ

«Съ смиреніемъ дѣла свои читать».....

И въ близкомъ будущемъ свершились слова поэта-пророка:

«Присяга, данная предъ Богомъ и исполненная предъ людьми..... останется жива вѣчно, не умретъ и въ памяти людей»...

Не умретъ въ памяти людей русскихъ ни безцѣнное имя императора Александра II, ни дорогое имя его наставника и друга-поэта Жуковскаго!

А. Ооинъ.

